

Чеченская тетрадь

1 КРА, ХОО и др.

Первые впечатления от столицы Чеченской Республики – в её архитектуре отсутствует привычное глазу смешение архитектурных форм: изысканных дореволюционных, монументально-основательных сталинских, словно клонированных хрущёвок с брежневками и словно стремящихся нарушить основы симметрии построек современной архитектуры. Грозный, разрушенный во время двух военных кампаний на 70 процентов, выглядит как один большой но-водел, где даже здания культуры не миновало влияние хайтека. Плюс идеальная чистота улиц (говорят, их моют шампунем), которую поддерживают отнюдь не гастарбайтеры, а местные жители.

От видов за окном «приоры» начинает звучать тема заграничных. Хотя и без родных «мотивов» не обходится. В частности, уже позабытого советского прошлого. Обилие на улицах портретов обоих президентов Чечни, Ахмата и Рамзана Кадыровых, и различных учреждений их имени забавляет лишь поначалу.

Выдвигаемся в сторону Гудермеса. На въезде из Грозного и по самой дороге скопление вооружённых людей в военной форме, которую трудно признать за обмундирование ВС РФ. Кадыровская гвардия обеспечивает безопасность президенту при следовании в его родную вотчину – село Центорой. Путь этот лежит через Гудермес, так что нам с Рамзаном Ахматовичем по пути. И не с ним одним. «Мерседес Гелендваген» моргает фарами, и наша «приора» ныряет в соседний ряд. Иномарка обгоняет нас, как стоячих. «Кадыровцы» и ухом не ведут.

– Эти тоже не нарушают? – Тоже, – слышу в ответ и получаю урок «шифрования». – Обрати внимание на номера. КРА – это аббревиатура: Кадыров Рамзан Ахматович. Такие имеют лишь люди, приближённые к президенту. Конечно, ААА и УУУ (правительство и парламент) тоже котируются, но не настолько.

Едва поспевая за «мерседесом», следом пронюхивают две «приоры».

– А это охрана. Номера центоровские: ХОО. Чеченское название Центороя – Хоси-Юрт.

Президентский кортеж обогнал нас только в Гудермесе. Здесь мы остановились у супермаркета, чтобы купить десерт на ужин. Отличие от других российских магазинов – отсутствие на полках спиртного. Напитки с градусом продают в редких специализированных, в меню кафе и ресторанов их тоже нет (единственный ликеро-водочный завод закрыт ещё в апреле). Ислам строго запрещает употребление алкоголя, а влияние религии на жизнь в республике велико: встретить женщину без платка на улице большая редкость, застать мужчину на рабочем месте в пятницу после обеда проблематично, они поспевают посплощадную соборную молитву, после чего рабочая неделя для них практически и заканчивается.

Показать Шалинский район мне обещано завтра.

Плюс «глобулизация» всей Чечни

Мотивация для посещения Чечни была очень простой. Ещё со времён СССР Шалинский район Чечено-Ингушской АССР и Шалинский район Свердловской области, жителем которого я и являюсь, были незримо связаны. Так, нередко на Урал по почте приходили депешы в различные учреждения, адресованные чеченским коллегам (различные в ударах при письменном изложении терминов). Чего-то сверхъестественного в этом не было, ведь во всей огромной стране, какой являлся Советский Союз, среди многих тысяч муниципальных образований больше не было схожих. Да и сегодня такое не редкость. К нашим шалинцам, когда они

бывают за пределами региона, нередко подходят и просят рассказать о том, как живёт сегодня Чеченская Республика. Не всё же пожимать плечами. Так что, когда представилась возможность увидеть, чем живёт сегодня Чечня, я не раздумывал.

Привыкнув к уральским просторам, не сразу осознаёшь, что здесь всё сравнительно недалеко. Территория того же Шалинского района в семь раз меньше Шалинского. Хотя у шалинцев в игре «А у нас» есть свои козыри. Один из них – численность населения (здесь она в 4,5 раза больше, в самом райцентре – в 6,5), другая – плотность населения, которая больше в три с лишним раза.

В целом, говоря о Чечне, нельзя не отметить некой тяги к гигантомании. Впрочем, для этого порой есть все основания. Нередко, показывая ту или иную достопримечательность, чеченцы не забывают добавлять: «...и самая крупная (большая, высокая... и т.д.) на Северном Кавказе». Ещё один штрих к теме глобулизации, или говоря более предметно – «глобулизации». Развилку на въезде в столицу Чечни украшает весьма масштабный макет земного шара. По экватору глобуса надпись: «Грозный – центр мира». Вот так: ни больше, ни меньше.

– «Мир» здесь надо понимать как отсутствие войны, – объясняет Хоба, отметив моё любопытство. – Хотя сразу и не поймёшь, о чём речь, верно? В парламенте даже обсуждался вопрос дополнить надпись словами «...и созидания».

К слову, у каждого райцентра тоже есть своя «модель мира», но более скромных размеров и без претенциозных надписей. Хотя надо быть справедливым – чеченцам скромность тоже присуща.

– А зачем нашему району герб и флаг? – вопрошает главный редактор районной газеты «Заман» Шалинского района Мовсар Ильясов, когда я интересуюсь местной геральдикой. – Мы что, государству какое? Нет, такого нам не надо.

Может, и в самом деле не надо. Это для территорий большинства регионов России местная геральдика предстает некой игрой в государственность и самобытность. На Кавказе же эти забавы могут обернуться борьбой, и отнюдь не греко-римской.

Ну, нет так нет. Во всяком случае, игру по мотивам Маршака между Шалинским и Шалинским районами удаётся свести к дружеской ничьей, счёт становится равным – 4:4.

Ведено – введение в реальность

– Можешь не волноваться, у нас ещё безопасней, чем у вас на Урале, – это было первое, что я услышал от председателя Союза журналистов Чечни Хожбауди Борхаджиева, когда впервые ещё в Шале набрал его номер телефона и высказал желание приехать в Шали.

– Вот, нормально, – думаю, – направляешься в гости, а тебе сразу обозначают тему безопасности. И тут уже даже не важно, в каком контексте. Я же ни о чём таком не спрашивал! «Можешь не волноваться...» звучит не хуже, чем «Я дам вам парабеллум...».

Правда, потом понял, что Хоба (на второй день мне было предложено забыть о формальностях в общении), очевидно, угомённый подобно рода звонками со всей России, просто форсировал события и сразу переходил к ответу на вопрос № «там какой-то».

– Можешь не волноваться... О том, что Чечня Чечне рознь, понимаешь только направляясь в горы. Грозный, Гудермес, Шали... с их, где-то даже идеалистической обстановкой – это одно, а вот чем ближе к облакам, тем больше понимаешь, что становишься и ближе к истине происходящего здесь. Идеалистическому созерцанию красот горного края по пути в Ведено очень скоро начинают мешать приметы военного времени: пару раз по встречной полосе проезжают БМП, а вот и блокпост. При приближе-

Развилку на въезде в столицу Чечни украшает весьма масштабный макет земного шара. По экватору глобуса надпись: «Грозный – центр мира»

Абдулла-хаджи: «Поймите, ни лично к вам, ни к русскому народу в целом у нас нет какой-то предвзятости, злобы или ненависти»

нии к нему Мовсар Ильясов предупредительно кивает на фотоаппарат в моих руках.

– Они очень не любят, когда их фотографируют.

«Они» – люди в камуфляже – провожают нас пристальным взглядом. Можно было и не предпринимать курс «экстремальной журналистики» журфака УрГУ ещё не забыт. Да я и не затем сюда приехал, чтобы искать «горячие темы», особенно там, где их нет. Через несколько километров взгляду предстает ещё более монументальное фортификационное сооружение – база Хабаровского ОМОНа, возвышающаяся крепостью на берегу Аржи-Акк.

От такого присутствия «наших» спокойней не становится. Скорее наоборот. В самом Ведено ситуация та же. В Шали на входе в районную администрацию можешь увидеть человека с АК-74 (личная охрана главы – четыре человека). Как говорится, почувствуйте разницу. Районная больница также отгорожена от окружающего мира забором. Да и вообще различного рода КПЗ здесь не редкость.

Уже по прибытию домой, в Шали, в новостях федеральных телеканалов увидел сюжет о том, что в Веденом районе Чечни в результате спецоперации было уничтожено несколько боевиков.

Можешь не волноваться...

Исповедь чеченца

В усадьбу Киндаровых в селе Белгатой Шалинского района так просто ещё и не попадёшь. Подъезды буквально забиты автомобилями страждущих попасть на приём к Барону Киндарову. Кандидат медицинских наук, заслуженный врач России, хирург с почти полувековым стажем, почётный доктор восточной медицины, в течение многих лет занимавший должность замминистра здравоохранения ЧИАССР, пользуется в республике полной любовью, который готов положить на ноги едва ли не любого. Отнимать много времени у такого занятого человека мы с коллегами не решаемся, и после визита вежливости (впрочем, занявшегося много больше пер-

воначально отведенных нам на это 10 минут) направляемся в соседний дом, где живёт брат Барона Абдулла.

– Салам алейкум, – приветствует с улыбки Абдулла-хаджи. – Это к брату один больше ходят, а ко мне – здоровые. Милости прошу.

Сам экс-министр культуры республики (прямо министерская династия, да и только) хоть и не медик, но тоже владеет секретами оздоровления, вынесенными из личного опыта. Так, сахарный диабет мужчины победил нежданно-негаданно, когда, выйдя на пенсию (вернее, отказавшись сотрудничать с правительством Масхадова), собственноручно выкопал фундамент под новый дом – «выдал на-гора» 45 кубометров грунта. Хотя, конечно, лопата в руках Абдулла-хаджи смотрится менее органично, чем шариковая ручка. Или, вернее сказать, карандаш – по-арабски «калам», что в широком смысле означает «знание».

Невольно разговор переходит к причинам военного конфликта в Чечне. Видно, что хозяину дома непросто говорить на эту тему.

– Нас просто подставили. Как иначе расшифровать тот факт, что в Чечне был оставлен такой огромный арсенал после вывода войск! Чеченцам – и дать в руки оружие! «Партия войны», чья деятельность была направлена на развал России, точно рассчитала реакцию, которая последует. Развалить страну в итоге не получилось, но этот эксперимент дорого обошёлся нашему народу! – Заметно, как пожилой человек невольно заводится, в голосе начинают звучать металлические чеченские нотки, но потом, словно опоминувшись, смывает тон.

– Поймите, ни лично к вам, ни к русскому народу в целом у нас нет какой-то предвзятости, злобы или ненависти. Но к вашим политикам, подполковникам чеченцев с кровопролитием, имеются.

На время разговор уходит в другие темы. Хозяин трясёт яблоки из сада. Не успеваешь надкусить яблоко, как его облепляют осы. Первая реакция – бросить и отмах-

нуться. Хоба рядом, как ни в чём не бывало (подумавшись по пальцам ползают) с энтузиазмом работает челюстями. Приходится соответствовать образу бесстрашного джигита.

– У вас ведь о чеченцах, наверное, невесть что думают? – спрашивает Абдулла-хаджи. – И немудрено, ведь дело было организовано так, что через боевые действия в Чечне прошли жители, пожалуй, всех районов России. И каждый вернулся с негативом (а что ещё можно привезти с войны?), которым волно или невольно поделился. Хотя если приходил «груз 200», то тут и слова были излишни. Когда же мы избавимся от этого «наследства»?

Вопрос скорее риторический. Во всяком случае, ни у кого из присутствующих нет ответа на него.

Последний вопрос

– Соответствуют ли твои представления о том, что сейчас происходит в Чечне, тому, о чём думалось, ну скажем, в середине 2000-х? – это последний мой вопрос хлебосольному Хожбауди.

Мы на пути в аэропорт. Три дня и три вечера командировке позади.

– Если честно, то даже в самых смелых мечтах не представлялось, что восстановление закончится ранее 2015 года, теперь же на календаре 2012-й, и сам видел, что нас окружает – не только восстановили, что было, но и ушли вперёд, – не задумываясь, отвечает Хоба, потом, после паузы в пару километров, добавляет: – И ещё оказалось, что чеченцы крайне предприимчивые люди. Лично меня это не очень радует. Советская уравниловка была сродни тому, как жили чеченцы испокон веков – не бедствуя, но и без особого достатка. Между людьми не стояли деньги. Проблемы одного были общими проблемами многочисленных родственников (мой дядя отдал последние 500 долларов, чтобы выкупить меня у спецслужб Масхадова). Теперь это постепенно уходит. Богатство стало разделять

КСТАТИ

Дмитрий ПОЛЯНИН, председатель правления Свердловского творческого союза журналистов:

– Поездка Дмитрия Сивкова – пример эффективного взаимодействия по линии журналистских организаций. И хотя мы в Союзе обсуждали эту инициативу давно, но, честно говоря, беспокоились за безопасность журналиста. Дмитрий ещё раз доказал, что если делать своё дело профессионально, то коллеги всегда помогут, а читатель получит информацию о реальных событиях.

даже близких людей. Я ответил на твой вопрос?

В целом со стороны складывается такое впечатление, что Чечня напоминает докризисную Россию. Есть большая категория граждан, которых всё происходящее устраивает. А если и не полностью, то они понимают, что при условии, что всё развивается нормально: новостройки растут на глазах, жильё в них относительно доступно, криминал ушёл с улиц, благосостояние повышается, что с некоторым нарушением личных прав, определённым вождизмом можно если не согласиться, то отнестись к этому терпимо. Но реальна и ситуация, подобная российскому периоду после 2008-2009 годов, когда кризис показал зыбкость путей развития и поступательности прогресса. Теперь у власти меньше оптимизма, и там понимают, что нестраховой случай возможен.

Соответственно, и в Чеченской Республике не исключён вариант того, что негатив от реального или воображаемого нарушения гражданских прав станет восприниматься более болезненно. Хотя, если «золотой телец» растолкает чеченцев друг от друга ещё дальше, это уже не будет иметь столь катастрофических последствий, память о которых будет ещё долго незримо стоять между народами России.

Что касается последнего, то сейчас в Чечне прилагают все усилия для того, чтобы создать положительный имидж республики. Пока это получается только в отношении тех, кто лично посещает Грозный и окрестности. Действительно, если у кого из гостей и бывают какие-либо предубеждения до приезда сюда, то после от них, как правило, не остаётся и следа.

Во всяком случае, вечерний моцион по Грозному намного безопасней, чем по Екатеринбург где-нибудь в районе Вторчермета. Но ведь не криминалом единым...

Вместо P.S.

Захар Прилепин как-то рассказывал, что российская кинокомпания приобрела у него права на экранизацию одного из произведений, повествующего о его командировке в Чечню в составе ОМОНа. Через какое-то время писатель заинтересовался. Оказалось, никак. Киношникам дали понять, что тема закрыта – война закончилась. Осталось поверить в это. Я попробовал.

Шала-Грозный-Гудермес-Шали

ТОЛЬКО ФАКТЫ

Шалинские районы

Шалинский
Юго-западная часть Свердловской области.
Относится к Западному управленческому округу.
Основан в 1932 году.
Территория – 4 852,20 кв. км.
Население – 26 500 человек.

Плотность населения – 53 человека на кв. км.
Административный центр – рабочий посёлок Шала (6700 жителей).
В состав муниципалитета входит 44 населённых пункта, разделённых между 10 территориальными администрациями.

Шалинский
(с 1944 по 1957 год — Междуреченский район).
Центральная часть Чеченской республики.
Основан в 1920 году.
Территория – 655 кв. км.
Население – 116 000 человек.
Плотность населения – 177 человек на кв. км.
На территории района находится 9 органов местного самоуправления.
Административный центр – город Шали (44 200 жителей).
Геральдика – отсутствует.

Мины есть

В Шалинском районе до сих пор остаются заминированными 850 гектаров земли, 290 из которых земли сельскохозяйственного назначения.

Хотя и эти цифры условны. У российских военных существуют карты минных полей, но вот о определении места минирования, проводимых боевиками, есть некоторые проблемы.

Табличек типа: «Осторожно, мины!» здесь не встретишь.

– Почему? – Не мог не поинтересоваться, и слышу железную аргументацию: – А зачем? Местные и так знают, а глупая скотина какая забредёт, значит не судьба ей.

– А не местные?

–
Не местные здесь не ходят.

Край долгожителей

Чечня по праву может претендовать на звание «Край долгожителей». Есть тут и примеры супердолголетия. Известно, что самым старым человеком, официально зарегистрированным на бывшей территории СССР, был Арсгир Хазитов из Ачхой-Мартана, который прожил 180 лет.

В Шалинском районе сейчас проживает несколько человек, чей возраст перешагнул вековую отметку. Наверняка, подобных примеров могло быть намного больше, если бы не принудительное переселение в 1944-56 годах в Казахстан и Киргизию. По переписи 1959 года чеченцы, славившиеся своим долголетием, на две трети были моложе двадцати лет. Это значит, большая часть матерей и отцов осталась в Средней Азии. У их детей и внуков свои «особые условия».

– Сейчас люди стали словно отходить от войны, и многих подводит сердце, – озвучивает проблему Хожбауди Борхаджиев. – У ещё довольно молодых мужчин отказывает «мотор». Немало людей из жизни в сорок лет, а то и раньше.

Жительница города Шали Роза Байсарова, 1906 года рождения, ещё полна сил и энергии для того, чтобы водиться с правнуками, которых у неё около 30. Муж Розы Хушпар умер в 1996 году в возрасте 115 лет